

А. Ф. СУЛТАНОВ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА В ЕГИПТЕ

1

В статье «Национальный язык и реформа письменности в странах арабского Востока»¹ мы отмечали, что в настоящее время в этих странах наметились различные тенденции в процессе формирования национального языка. Это, во-первых, тенденция полного сохранения старого письменно-литературного языка «аль-фосха»² в качестве национального языка для всех арабских стран; во-вторых, тенденция проведения некоторых реформ в области морфологии и орфографии письменного языка «аль-фосха» с той же целью сохранения его в качестве единого национального языка для всех стран арабского Востока и Запада (Магриба); в-третьих, тенденция формирования национального языка арабских стран на базе народно-разговорных языков «аль-аммийа» этих стран.

Употребляя письменно-литературный язык «аль-фосха» в школе, в официальной переписке, в прессе и литературе в широком смысле этого слова, народы стран арабского Востока — Сирии и Ливана, Ирака и Саудии, Йемена и Египта — в повседневной жизни, в общении между собой пользуются народно-разговорными языками (местными территориальными диалектами арабского языка).

Как писал профессор Каирского университета Абдульвахид Аль-Вафи, трудность заключается в двуязычии стран арабского Востока. В литературе, науке, прессе, официальной переписке и официальных речах, отмечал он, пользуются арабским языком в том его состоянии, каким он приблизительно был в Хиджазе и Неджде в дни возникновения ислама, т. е. литературно-классическим арабским языком, а в повседневной жизни пользуются народно-разговорным языком в том виде, в котором он наблюдается в современных диалектах как результат естественно-исторического развития языка. Причем, если классический язык в прошлом был языком бедуинов Хиджаза и передавался в простом общении по традиции и наследству из поколения в поколение еще с детского возраста, то в настоящее время этот язык — его синтаксис, морфология и фонетика — изучаются в школе длительные годы почти как иностранный язык. Короче, египтяне двуязычны: к одному языку они прибегают в обыденной жизни, к другому — в официальной³. В 1945 г. в Каирском журнале «Аль-Хильяль» отмечалось,

¹ См. сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордиевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953.

² «Аль-фосха» по-арабски означает «чистый», «красноречивый», «блестящий», литературно-классический язык.

³ См. журн. «Маджаллат аль-Иджтимайя», Каир, 1945, стр. 18—23.

что хотя словарный состав этого письменно-литературного языка и претерпел большие изменения, обогатился, ряд слов переосмыслен и создан ряд новых научных понятий и выражений, но грамматика этого языка не пересматривалась с VIII столетия, со времени первого грамматики Сивавейхи.

За последние два-три года дискуссия на тему о взаимодействии и соотношении между письменно-литературным арабским языком «аль-фосха» и народно-разговорным языком «аль-аммийа» (простонародным) и о проблеме национальной нормы языка в Египте еще более обострилась. В ряде статей и очерков, посвященных процессу формирования национального языка, различные круги египетской интеллигенции высказывались за и против победы народно-разговорного языка. Одни утверждают, что письменный язык «аль-фосха» сохранится «как язык корана и многовековых культурных традиций, как фактор единства арабских народов», и народно-разговорные языки не повлияют на него. Другие, наоборот, утверждают неизбежность примата народно-разговорного языка в процессе формирования национального языка в Египте; третьи стоят на точке зрения «слияния обоих языков». Они говорят, что «когда поднимется жизненный уровень трудящихся классов, когда грамотность станет достоянием народных масс, — письменный язык „аль-фосха“ и народно-разговорный „аль-аммийа“ сольются и образуется единый общедоступный язык».

В 1952 г. вышла книга профессора Александрийского университета Хасана Аун «Язык и синтаксис»¹, а также весьма интересный труд Ахмеда Рушди Салеха — «Народная литература»², посвященный египетскому фольклору и вопросу формирования национального языка.

В своей работе Хасан Аун открыто и резко полемизирует с теми арабскими лингвистами средневековья (заложившими в VII—VIII столетиях основы арабской грамматики), которые неправильно говорили о «статичности, неизблемости» арабского языка и его грамматического строя и заявляли, что арабский письменно-литературный язык «аль-фосха» якобы не может подвергаться влиянию народно-разговорной речи. На основании изучения истории арабского языка и материалов бедуинских диалектов VII в. н. э. Хасан Аун отвергает доводы первых грамматистов и утверждает, что в основу арабского классического языка «аль-фосха» был положен мекканский корейшитский диалект, ставший в силу экономических, социальных и исторических факторов к моменту возникновения ислама языком хиджазских арабов. На этом языке были написаны джахилийские поэмы, коран и хадисы, а позже, в эпоху аббасидского халифата, и светская литература. На основании изучения ряда исторических фактов и лингвистических данных Хасан Аун пишет далее, что «грамматические отклонения» в коране от правил языка «аль-фосха» и дозволенные шариадом семь разночтений корана как раз говорят о том, что наряду с господствовавшим в VII в. корейшитским диалектом, грамматические нормы которого были зафиксированы первыми арабскими грамматистами Абу-ль-Асуад ад-Ду'али и Сивавейхи, арабы продолжали говорить и на других племенных диалектах. Причем ряд диалектов арабского языка, как, например, темимский, имел распространение почти не меньше корейшитского диалекта. Ученые того времени, пишет автор, зафиксировавшие грамматические нормы корейшитского диалекта «аль-фосха», имели узкий кругозор, подходили к формирующемуся языку не исторически, а догматически, вовсе не интересуясь другими бедуинскими диалектами, а просто отвергая их «как отклонения от правильного языка аль-фосха, т. е.

¹ Хасан Аун, Язык и синтаксис. Исторический анализ и сравнение, Александрия, 1952 [на араб. яз.].

² Ахмед Рушди Салех, Народная литература, Каир, 1954 [на араб. яз.].

от корейшитского диалекта, который они считали священным». На самом же деле все явления, которые арабские грамматисты «объясняли как исключения или нарушения правил языка, — были остатками прежних диалектов, принимавших некоторое участие, наряду с господствовавшим корейшитским диалектом, в формировании единого арабского языка»¹.

Разбирая далее историю развития арабского языка до наших дней, Хасан Аун отмечает, что «арабский язык и теперь продолжает развиваться спонтанно, по своим внутренним законам, своеобразно в каждой арабской стране в условиях определенной, конкретной исторической и этнической среды, что этот арабский язык уже не тот, чем он был в дни написания корана». С тех пор «в язык вошли сотни новых слов, выражений и конструкций, с которыми арабы того времени не были знакомы». Арабский язык «в Хиджазе уже не тот, что в Ираке, а иракский не тот, что в Египте». Различие этнической, языковой и социально-исторической среды распространения арабского языка, пишет автор, привело уже в эпоху аббасидов к тому, что «арабский язык „аль-фосха“ стал заметно слабеть, круг говорящих на нем и пользующихся им постепенно суживался, и был открыт простор для развития отдельных народно-разговорных языков»².

Автор другой книги Ахмед Рушди Салех исследует развитие арабского языка на основании изучения богатейшего материала египетского фольклора и высказывает соображения, что письменно-литературный арабский язык высокого стиля (аль-фосха) является связующим фактором между различными арабскими странами и хранителем культурных традиций и наследия, как латынь средневековья. Однако языком абсолютного большинства народа является народно-разговорный язык «аль-аммийа». Сторонники «аль-фосха» и враги «аль-аммийа», отмечает рецензент книги А. Р. Салеха, стараются недопустить народный язык в лекционные залы и редакции книг и журналов. Враги разговорного и народного языка вооружены против него таким страшным оружием, как авторитет корана и религиозных традиций, в то время как народ сегодня еще влечет жалкое существование: он гол, голоден и невежествен. Однако, несмотря на это, время работает на нас и различные разговорные диалекты Египта со временем сольются и образуют единый национальный язык³.

То же самое утверждают и некоторые другие авторы различных статей по вопросам языка, выступающие на страницах египетских журналов. В статье «Язык фольклора — искусство грядущего» некто Ш. пишет, что «письменно-литературный язык „аль-фосха“ отрывает нас от действительности, от живой жизни... Народные поговорки и пословицы в переводе на письменный язык теряют смысл, остроту и жизненность и не возбуждают никаких чувств»⁴. В другой статье автор отмечает, что «египтяне по существу имеют два языка: живой и мертвый. Когда интеллигентный человек взбирается на кафедру, он говорит на литературном языке, а как только сойдет с трибуны и садится рядом со своими коллегами, речь у него плавно льется на народном языке... Но придет время, когда простые феллахи будут в состоянии защищать и отстаивать свой язык»⁵. В связи с развернувшейся на страницах журналов дискуссией о языке известный египетский писатель Салама Муса заявил, что «проблема национального языка стала острой проблемой. Время и только время способно разрешить

¹ См. Хасан Аун, указ. соч., стр. 44—48.

² См. там же, стр. 140—141 и 194—195.

³ См. журн. «Аль-Алиам аль-Араби», Каир, 1 декабря 1954 г., стр. 29 (рец. на кн. Ахмеда Рушди Салеха «Народная литература»).

⁴ «Аль-Алиам аль-Араби», 15 ноября 1954 г., стр. 14.

⁵ Там же, стр. 13—14.

эту проблему. Когда неграмотные массы станут грамотными, когда жизненный уровень трудящихся классов поднимется, письменнo-литературный „аль-фосха“ и народно-разговорный „аль-аммийа“ встретятся, сольются и сложится единый общедоступный язык¹.

Таково вкратце содержание дискуссии о языке, которая вновь развернулась в Египте за последние два года.

2

В настоящее время уже редко кто будет оспаривать тезис о том, что египетский народ складывается в египетскую буржуазную нацию со своими границами, национальным рынком, национальной культурой, литературой и искусством.

Египетская буржуазная национальная культура, в отличие от сирийской и иракской, представляя синтез арабской культуры и элементов древнеегипетской и, особенно, коптской, проявляется в своеобразии современной египетской архитектуры, искусства и в литературе, которая не только черпает материалы из египетской действительности, но и пишется все больше с привлечением египетского народно-разговорного языка. Долголетняя борьба египетского народа за независимость, появление национальной буржуазии и рост рабочего класса, партизанская борьба рабочих, феллахов и студентов в 1951—1952 гг. в зоне Суэцкого канала, приведшая в 1952 г. к отмене неравноправного англо-египетского договора, ликвидация монархии и установление республиканского строя только подтверждают нашу мысль о консолидации египтян в современную нацию. Следовательно, все признаки нации налицо. Но зато никто пока не сможет определенно ответить на вопрос, что же является национальным языком в Египте: письменнo-литературный арабский язык школы и прессы, общий для всех стран арабского Востока и Магриба, — „аль-фосха“, или местный египетский территориальный диалект арабского языка, народно-разговорный язык египтян — „аль-аммийа“. Оба эти языка бытуют параллельно и дополняют друг друга.

Процесс образования нации сопровождается превращением языка народности в национальный язык, процессом выработки общенациональной языковой нормы. Можем ли мы назвать письменнo-литературный арабский язык национальным или национально-литературным языком египтян? Пока что нет, так же как мы не можем назвать египетский народно-разговорный язык национальным языком египтян. Ибо национальный язык — это единство письменнo-литературного и устно-разговорного языка. Пока же оба эти языка существуют параллельно. Классический арабский язык — основа современного письменнo-литературного арабского языка — сложился на базе ведущего мекканского диалекта. В первые века ислама разговорный бедуинский язык Хиджаза и складывающийся литературно-письменный язык в основном совпадали. Затем этот язык, как латынь римской империи, распространился во всех завоеванных арабами странах, в том числе в Египте, вытеснив местные языки, в данном случае коптский язык египтян. Позднее единое арабское государство распалось, и стали создаваться условия для превращения местных диалектов единого языка арабской народности в самостоятельные языки. Уже в течение столетий Египет, Йемен, Сирия, Ирак и Центральная Аравия территориально расчленены и до сих пор не представляют экономического и политического целого. В турецкую империю, где господствовал чуждый арамам турецкий язык, эти страны входили как совершенно обособленные,

¹ „Аль-Азия аль-Араби“, 15 декабря 1954 г., стр. 5.

отдельные провинции. Территориальные диалекты арабского языка, или, вернее, местные народно-разговорные языки, развивались в каждой из этих провинций самостоятельно, независимо друг от друга, соответственно их племенным наречиям, географическим условиям и историко-этнографическим особенностям. В связи с упадком культурной жизни и литературных традиций эпохи аббасидского халифата, арабский классический письменно-книжный язык отставал от жизни, архаизировался, застопорился.

Этот письменно-книжный арабский язык стал вновь оживать только во второй половине XIX и начале XX столетия, на заре развития капиталистических отношений в отдельных арабских странах, и постепенно стал письменно-литературным языком современного Египта, Сирии, Ливана, Ирака и других арабских стран. Этот письменно-литературный арабский язык уже имеет богатую традицию, выработал современную научную терминологию, на нем создается современная научная и художественная литература¹. Лексика языка обогатилась, но грамматический строй языка «аль-фосха», морфология и синтаксис, а также орфография и фонетика остались архаическими, не изменились или почти не изменились с классического периода средневековья. Правила письменно-литературного арабского языка до сих пор не подверглись реформе. Консервативные ревнители классического арабского языка стараются не допускать в письменно-литературный язык слова из народного языка, из территориальных диалектов, отвергая их как «вульгаризмы». Буржуазные лингвисты называют эти народно-разговорные языки не иначе, как жаргонами — «ратана».

Таким образом, в арабских странах, в том числе и Египте, оказалось два параллельно развивающихся языка: письменно-литературный, в значительной мере оторванный от влияния народа, носителя языка, и народно-разговорный. Между этими двумя языками, письменным и разговорным, образовалась огромная пропасть.

Во всех странах мира формирование наций сопровождалось становлением национально-литературного языка на основе наиболее влиятельного ведущего диалекта живого, разговорного языка данной народности. В Норвегии в процессе формирования национального языка с XIX столетия и до сих пор происходит острая борьба между «культурным» письменным языком — «риксмол» и «вульгарным» народным языком — «ландемол», борьба за демократизацию литературного языка, за приближение его к разговорной речи, за ликвидацию разрыва между письменно-литературным и народно-разговорным языком, — за образование национальной нормы. Там уже пройден этап, когда норвежский диалект использовался в литературе (в XVIII в.) только для комического эффекта, поскольку он создавался как испорченный литературный язык².

Письменно-литературный арабский язык «аль-фосха» не имеет в настоящее время живой разговорной базы. На нем уже давно не говорят даже в Хиджазе, где в свое время он формировался на основе живого мекканского диалекта.

Борьба за уничтожение различия между книжным и разговорным народным языком происходит в странах арабского Востока в необычайной обстановке. У народов стран арабского Востока, расчлененных империализмом и складывающихся в отдельные нации, еще сильны традиции

¹ Благодаря усилиям египетских писателей прогрессивного направления в художественную литературу за последнее десятилетие начинает проникать народно-разговорная лексика.

² См. М. И. Стебляк-Каменский, Образование норвежского национального языка, ВЯ, 1952, № 1, стр. 115.

исторического единства. Это единство находит воплощение в совместной борьбе народов арабского Востока против империализма за национальную независимость. Общий письменно-литературный язык является не только языком классической литературы средневековья, но на нем создается довольно богатая современная национальная литература, им пользуется пресса стран арабского Востока. Этот литературно-письменный язык является уже не только книжным языком, но и языком национальных литератур. Он до сих пор остается одновитным. Книжно-культурный и гражданский официальный письменно-литературный языки совпадают. В этом специфическое отличие развития арабского письменно-литературного языка от языка таких стран, как Китай и Япония. В Китае и Японии борьба народно-разговорного языка против отживающего письменно-литературного языка шла в течение всего XIX столетия. Новый литературный язык на основе народного «байхуа» в Китае постепенно овладевал художественной литературой и существовал рядом с официальным письменно-литературным языком «вэньянь», вбирая наиболее жизненную лексику и обороты речи из последнего (в то время как «вэньянь» всячески оберегали от влияния «вульгарного» «байхуа»). В Египте же этого процесса не было, и современный письменно-литературный язык скорее напоминает уже побежденный в Китае письменно-литературный язык «вэньянь», против которого борется египетский «байхуа», разговорный язык народа — «аль-аммийа».

3

Итак, в Египте, как и в других арабских странах, существуют фактически два языка: письменно-литературный и народно-разговорный. В какой зависимости они находятся по отношению друг к другу? Оказывают ли влияние друг на друга? Кто из них должен победить? Как идет процесс складывания национальной нормы языка? Является ли письменно-литературный язык достоянием народных масс? Пополняется ли его словарный запас за счет наиболее жизненных и всему народу известных слов, выражений и оборотов народной речи?

Процесс влияния народного языка на словарный состав, грамматический строй и фонетику письменно-литературного арабского языка в силу ряда причин идет весьма медленно, еле заметно и почти неуловимо. Конечно, современный письменно-литературный арабский язык уже несколько отошел от классического языка, но он обогащался словарным составом не за счет народного, разговорного языка, не за счет живых территориальных диалектов, а главным образом за счет создания научной, социальной, политической и экономической терминологии путем внутренней флексии и путем переосмысления ряда терминов самого классического языка. Мы отнюдь не хотим сказать этим, что новая, научно-техническая терминология искусственна, мертва, не является достижением арабского языка. Вовсе нет. Такие слова, как *саййб* «автомобиль», *тайдра* «самолет», *даббаба* «танк», *таррад* «крейсер», *назарийа* «теория», *ваки'ийа* «реализм», *ласильки* «радио-телеграф» и т. д., свидетельствуют о непрерывном развитии и пополнении словарного состава этого языка. Но несмотря на то, что словарный состав современного письменно-литературного арабского языка вырос до выражения самых сложных современных научных понятий, синтаксис, морфология, а также орфоэпия этого языка почти совпадают с нормами старого арабского языка, установленными в известной грамматике средневекового ученого Сибавейхи, умершего в 797 г. Что же касается словарного состава, то литературный язык до сих пор не пополняется живыми, жизненными словами и словосочетаниями из народного язы-

ка, территориальных диалектов Египта и других арабских стран. Дело дошло до таких курьезов, что сотни самых обыденных слов из словарного фонда живого народно-разговорного языка, как, например, *фа* и *мафайш* («есть» и «нет»), *шувт(у)* и *рухт(у)* («видел» и «ходил»), не допускаются в письменный язык. Вместо них в письменно-литературном языке употребляются слова из классического языка *йуджаду* и *лайуджаду*, *ра'-айту* и *захабту*, которые давным-давно перестали бытовать в народно-разговорном языке Египта, да и не только Египта. В результате этого произошел огромный разрыв между письменно-литературным и народно-разговорными языками как Египта, так и других арабских стран. Даже в самом Хиджазе, на родине классического арабского языка, народный язык корейшитов давно отошел от старой нормы классического языка, стал хиджазским территориальным диалектом арабского языка.

Многие считают, что современный письменно-литературный арабский язык — уже совсем не прежний классический арабский язык, что он обогатился, обновился и что он чуть ли не идет в ногу с эпохой и приближается к современному народно-разговорным языкам, что не может быть и речи о коренном пересмотре морфологии, лексики и орфоэпии этого языка. Но это скорее желаемое, чем реальный факт. Действительно, современный письменно-литературный арабский язык «аль-фосха» обладает богатой лексикой, отличается грамматической стройностью и имеет все средства выражения научно-технических и философских понятий. Литературный арабский язык, на котором издаются газеты, журналы, научные и литературные произведения, является связующим звеном между различными странами арабского Востока и Магриба. Но в том-то и дело, что язык «аль-фосха» все-таки не является живым языком народных масс, а остается книжным, на котором не говорят ни в одной из арабских стран.

Какую же оценку дают современному письменно-литературному языку сами арабские лингвисты, литераторы и публицисты? Лингвисты и публицисты Египта, Сирии, Ливана и Ирака неоднократно затрагивали вопрос о национальном языке. Были высказывания за и против реформы письменности и пересмотра принципов правописания в арабском языке, в защиту грамматических норм письменно-литературного и против его архаизмов, за «оживление» письменно-литературного языка за счет лексики народно-разговорных языков. Но за последнее десятилетие не было почти ни одного серьезного выступления в защиту народно-разговорного языка в смысле принятия его за основу национального языка той или иной арабской страны. Арабские лингвисты резко критикуют письменно-литературный язык, но не решаются ставить вопрос о принятии народно-разговорного языка за основу национального языка. Приведем их высказывания.

Арабский историк Ч. Иссави отмечает, что литературно-классический арабский язык настолько отличается от разговорного египетского «наречия», что почти представляет иностранный язык. Странно, заключает автор, что «правильность или ошибочность того или иного слова или выражения до сих пор решается путем обращения к доисламским поэтам»¹.

Известный египетский буржуазный писатель и критик Таха Хусейн, заявлявший неоднократно, что он считает народно-разговорные языки жаргонами (ратана), неспособными стать национальным языком, в полемике с реакционными азахаристами вынужден был, однако, в свое время подчеркнуть, что современный арабский письменно-литературный язык — «аль-фосха» — является языком корана и хадисов, классическим языком. Он отмечал, что если не будет проведен решительный пересмотр его синтаксиса, морфологии и правописания, то этот язык обречен оставаться

¹ Ch. Issawi, Egypt. An economic and social analysis, London, 1947, стр. 191.

исключительно языком религии. Далее он писал: «Литературно-письменный арабский язык, если он и не является иностранным в Египте, то во всяком случае близок к этому. На нем не говорят люди ни дома, ни на улице, ни в школе. Даже в самом Аль-Азхаре не говорят на нем»¹. Он утверждает, что молодежь не понимает старого синтаксиса, презирает его. «Мы находимся перед альтернативой, — говорит он, — или мы упростим, пересмотрим правила арабского литературного языка, и он будет жить, или оставим его как он есть, и он умрет... Вопрос о реформе назрел, он поставлен, и на него надо ответить, хотя этого консервативные ахаристы или не хотят»².

О том, что письменно-литературный арабский язык имеет в своем словарном составе и грамматическом строе архаизмы, непонятные исключения, отжившие обороты и термины, устаревшие слова и выражения, мало понятные, а порой и вовсе непонятные народной массе, писал и пишет ряд современных писателей и филологов арабского Востока.

В статье «За упрощение орфографии арабского языка» газета «Аль-Ахрам» подвергла резкой критике антинаучные утверждения консервативных приверженцев норм письменно-литературного арабского языка «о непогрешимости писцов корана и грамматиков VII—VIII столетия», рассматривающих письменный язык «как нечто непогрешимое, раз навсегда данное, священное наследие». Газета требует «не только изменения правописания и упрощения синтаксиса, но и пересмотра системы письма и алфавита». Ибо в современном состоянии «арабское письмо надо понимать, чтобы суметь прочесть, а не читать, чтобы понять»³.

В другой статье той же газеты на тему «О правилах арабского языка» отмечалось, что «спора уже отбросить представление, будто письменно-литературный язык является каким-то вакуфным завещанием, лишающим нас права распоряжаться им». Утверждая, что «язык создается не поэтами, учеными и лингвистами, а жизнью и народами», газета требовала «коренного пересмотра синтаксиса литературного языка, не зирая на старые авторитеты»⁴. Касаясь грамматического строя современного письменно-литературного арабского языка, современные критики считают ненормальным положение, при котором «бедуин VII столетия является большим авторитетом, чем народ, лингвисты и ученые нашего времени, которых объявляют еретиками за предложение пересмотреть архаизмы в словарном составе и правописании литературного арабского языка, в то время как средневековый багдадский поэт Абу-Нуwas не боялся в свое время „ломать“ устои языка и вводить новшества в правописание»⁵.

Еще в 1945 г. в статье «Между диалектом и литературным языком» журнал «Аль-Хияль» подверг резкой критике язык авторов современных египетских, сирийских и пракских новелл и романов за то, что на обычные темы они пишут книжно-литературным языком средневековья. Когда читаешь современные романы, писал журнал, создается впечатление, будто бедуин средневековья встал из гроба, побродил по улицам современного Каира, Багдада и Дамаска, затем вернулся вновь в могилу и рассказывает там своим соплеменникам то, что видел здесь, на этом свете. Журнал справедливо отмечает, что в народных, территориальных диалектах бытует масса слов, привнесенных в свое время в Египет арабскими же племенами, но не зафиксированных лингвистами средних веков как «язык

¹ См. Таха Хусейн, Будущность цивилизации в Египте, т. II, [Каир, 1938], стр. 315 [на араб. яз.].

² Там же, стр. 321.

³ Газ. «Аль-Ахрам» (Каир) 20 VI 50.

⁴ Там же 24 VI 50.

⁵ Там же 30 IV 50.

черни». В современном египетском народно-разговорном языке бытует также масса переосмысленных арабских слов и выражений, а также заимствований, отличающих словарный запас, фонетику и орфоэпию территориального диалекта от письменно-литературного языка.

Поэтому в Египте за последнее десятилетие все чаще и чаще выдвигаются требования пересмотра отживших, архаических норм морфологии и синтаксиса, лексики, правописания и фонетики письменно-литературного языка, расширения рамок литературного арабского языка путем обогащения литературного языка словарным запасом из народных диалектов. Конечно, имеются сторонники и сохранения письменно-литературного арабского языка в том виде, в каком он перешел в наследство современному поколению, считающие этот язык языком «священного корана», «божьем даром», который «может погибнуть с реформой грамматики, правописания и алфавита». Сторонники этого взгляда в Египте жалуются на то, что «диалект (т. е. разговорный язык. — А. С.) наступает, подавляет, захватывает нас со всех сторон»; что преподаватели неязыковых дисциплин «даже в школе говорят на диалекте, адвокаты и ораторы стали выступать на диалекте, даже театры и кино начали пользоваться территориальным диалектом». Они требуют, чтобы «не только школьные учителя и учащиеся, но и агрономы, инженеры и врачи, даже дети в детских садах говорили на письменно-литературном языке»¹.

Буржуазные лингвисты часто называют народно-разговорные языки арабских стран «диалектами арабского языка». Речь, конечно, идет о народно-разговорном языке, сложившемся на основе ведущего диалекта данной страны. Что же касается сути критики консерваторов, то надо сказать, что они не учитывают того, что нельзя заставить говорить на старокнижном языке народ, привыкший к своему территориальному диалекту, т. е. народно-разговорному языку.

Следовательно, вопрос о национальном языке назрел, он поставлен и ждет своего разрешения.

4

Как уже говорилось выше, письменно-литературный язык и народно-разговорный язык в Египте до сих пор развивались отдельно, самостоятельно, мало оказывая влияния друг на друга, не сливаясь, не смешиваясь. Этому способствовали по крайней мере два обстоятельства: во-первых, нежелание консервативных ревнителей письменно-литературного языка «засорять» литературный язык «вульгарными» выражениями народного языка; во-вторых, неграмотность и культурная отсталость большинства народа (в Египте до сих пор только 30% горожан грамотны), что не позволяет ему обогащать свой разговорный язык за счет заимствований из литературного языка.

Но за последние годы объективно создаются — желают этого реакционные, консервативные круги или нет — условия, благоприятствующие устранению обоих этих препятствий. Литературный язык начинает смелее опираться на архаизмов, вбирать в себя все больше и больше народных слов, выражений и оборотов, а народный разговорный язык начинает обогащаться за счет овладения массами культурным наследием прошлого.

Современный письменно-литературный арабский язык по своему грамматическому строю, лексическому составу и фонетике мало отличается от классического языка и гораздо ближе к нему, чем к современным тер-

¹ «Аль-Ахрам» 19 V 50.

риториальным народно-разговорным языкам Египта, Сирии, Ирака, Саудии и Йемена. Современные же территориальные диалекты, или, вернее, народно-разговорные языки этих стран, и Египта в частности, являются результатом естественно-исторического развития живых разговорных языков.

Египетский народно-разговорный язык беднее литературно-письменного арабского языка по своей научно-технической терминологии. Но он более лаконичен, выразителен, гибок, меток и лучше приспособлен для разговорной речи, чем медлительный и архаичный литературный язык. Большое количество слов и оборотов в нем переосмыслено, имеет иную семантику и иную фонетику. Грамматический строй его проще, «вольнее» по сравнению с письменно-литературным языком. В нем господствует так называемый свободный синтаксис. Что касается научно-технической терминологии, то народный язык может воспользоваться словарным фондом литературного языка.

В египетском народно-разговорном языке в течение столетий с момента арабского завоевания происходит процесс глубокого внутреннего преобразования, которое сводится к изменениям не только звуковой стороны, но и самой структуры речи. Почти исчезли склонения имен и упростились формы спряжения глаголов. Утрата падежных форм привела к замене их описательными, предложными конструкциями. Намечился постепенный переход от синтетического строя к аналитическому с применением служебных слов *бта'* и *'альшам*. Произошло упрощение в строении вопросительных предложений и исчезли вопросительные частицы. В живой народной речи упрощение сложных предложений сказывается в утрате ряда подчинительных союзов и замене их сочинительными. Вместо прежней нормы настоящего-будущего времени разговорная речь предпочитает пользоваться описательными оборотами (*ра'их актуб*, *ра'их ашраб*). Вместо выходящих из употребления и архаичных слов в разговорной речи появились новые, семантически переосмысленные слова и словосочетания, образованные из старых корней и слов. Усваивается ряд иностранных слов французского, греческого, итальянского и турецкого происхождения. В разговорном языке совершилась также и фонетическая эволюция, произошли существенные изменения в произношении ряда согласных звуков, перемещение ударения и перестановка плавных.

В настоящее время можно отметить следующие основные отличительные черты египетского народно-разговорного языка «аль-аммийа».

В отличие от письменно-литературного языка «аль-фосха» в народном языке «аль-аммийа» склонение имен почти исчезло и сохранилась лишь одна падежная форма для выражения существующих в литературном языке трех падежей. Вместо литературной формы *китабун* (им. падеж), *китабан* (вин. падеж) и *китабин* (род. падеж) в разговорном языке сохранилась лишь одна форма для всех падежей — *китаб*. То же самое имеет место и при определении артикле: вместо литературной формы *ахазту ль китаба* «я взял книгу» и *фи ль китаби* «в книге» в народном языке говорят: *ахазт ль китаб*, *фи ль китаб*.

При склонении имен в правильном множественном числе вместо литературной формы *му'аллимун* и *му'аллимана* «учители, учителей» и причастий действительного и страдательного залога *залимун* и *залимана* «тираны, тиранов», *мазлумун* и *мазлумина* «угнетенные, угнетенных» — в народном языке для всех падежей сохранилась лишь одна форма склонения в косвенном падеже: *му'аллимин*, *залимин*, *мазлумин*. В двойственном числе вместо двух падежных форм *таблибни* и *таблибеини* сохранилась лишь одна форма косвенного падежа *таблибейн*.

В разговорном языке исчезли также формы спряжения глаголов в единственном числе прошедшего времени, что привело к употреблению личных местоимений перед спрягаемым глаголом. Вместо *катабту* «я писал» и *катабта* «ты писал» в разговорном языке скажут: *ана катабт*, *афта катабт*.

Упростилась также огласовка слитного местоимения *ка*, указывающая на владельца предмета. Вместо литературной формы *китабука* (им. падеж) «твоя книга», *китабака* (вин. падеж) «твою книгу» и *китабика* (род. падеж) «твоей книги» сохранилась лишь одна форма для всех падежей — *китабак*.

Частица будущего времени *сауфа* и *са* перед глаголами заменилась преформативом *ха*: вместо — *санусифу*, *сауфа нусифу* «поедем» говорят *ха нсифир*. Перед глаголами настоящего-будущего времени появилась частица *б*. Поэтому в народном языке вместо литературной формы *таштарй* «ты покупаешь» говорят *бтиштирй*. Это явление особенно характерно для народного языка Сирии и Ливана¹. В народном языке форма будущего времени «я сейчас напишу» часто заменяется описательным оборотом: *ра'их актуб* «идуший писать». Наблюдается также неизменное стремление к замене глагола настоящего времени причастием действительного залога. Вместо *ана актубу*, *ана азаху* «я пишу, я иду» в народном языке говорят: *ана катиб*, *ана захиб* «я — пишущий», «я — идущий». Форма сослагательного наклонения заменена формой изъявительного наклонения: вместо литературной формы *уриду ан актуба*, *уриду ан азахба* «хочу писать», «хочу идти» говорят *урид актуб*, *урид азах* или *авиз актуб*, *авиз азах*.

Наблюдаются некоторые изменения и в синтаксисе народного языка. В строении вопросительных предложений произошло упрощение, в результате чего полностью исчезла вопросительная частица *хал*. Признаком вопроса остается инверсия или просто интонация. В народном языке указательное местоимение ставится не впереди имени, а после него, постпозитивно. Вместо литературной формы *хаза-ль-калам* «этот карандаш» говорят: *аль калам да* «карандаш этот»². Если же указательное местоимение выступает в роли подлежащего, то оно ставится впереди имени существительного. Например, *да китаб куайис* «это — хорошая книга».

Передача сопряженного состояния посредством предлогов (*дар бта'е-Сафара* вместо *дару-е-Сафара* «дом посольства»), упрощение сложных предложений, замещение подчинительных конструкций сочинительными, исчезновение типов склонения и падежных форм и замена их описательными, предложными конструкциями приближают строй египетской народной речи к аналитическому, при котором отношения между словами в предложении передаются прежде всего порядком слов в предложении. Например, вместо *ма за туриду ан та'мала аль-ан*? «что хочешь делать сейчас?» в народном языке говорят: *ра'их те'мала эй диль вахти?* «идуший делать что сейчас?». Вместо *айна бейтука?* «где твой дом?» говорят: *хуа, аль байт бта'ак фейн?*

Особенно большие изменения произошли в области фонетики народно-разговорного языка. В разговорной речи наблюдается унификация сходных фонем: в результате фонетической эволюции межзубный спирант *з* перешел в зубно-язычный *ж*, а межзубный спирант *с* переходит в смычный зубно-язычный *т*. Арабские слова *залика* «этот» и *сабит* «прочный» произносятся в народном языке как *залика* и *табет*, зато слово *тимсал* «памятник» произносится как *тимсал*. Звук *дж* в египетском народном

¹ Народно-разговорные языки этих двух стран совпадают.

² В этом сказалось влияние коптского языка.

языке отсутствует. Он претерпел диспалатализацию и вместо него выступает *г* (гим). Звук *к* (каф твердый) произносится как придыхательный *а* (хамза). Соответственно арабские слова *джабал* «гора», *калам* «карандаш» произносятся *гебель*, *алам* и т. д.

Фонетика, а следовательно, и орфоэпия слов в народном языке в подавляющем большинстве иная. Например, вместо *тафаддал* — *этфаддэл* «пожалуйста»; вместо *ман* — *мин* «кто»; вместо *матā* — *эмта* «когда»; вместо *айна* — *файн* «где»; вместо *каир* — *ктир* «много»; вместо *мауз* — *м.з* «бананы»; вместо *фаук* — *фок* «наверху» и т. п. Изменились также формы личных, указательных и определительных местоимений: вместо *аитум* «вы», *нану* «мы» говорят: *Энтū, Эхнā*; вместо *хаза* «это» — *дā*; вместо *хазихи* «эта» — *дā*; вместо *аллази* и *аллатй* «который, которая» — *иллā* для обоих родов.

Ряд слов языка «аль-фосха» семантически переосмыслен. В народно-разговорном языке созданы новые слова и словосочетания путем переосмысления слов и корней из классического языка и бедуинских диалектов прошлого. Так, например, вместо литературного *ляйūdжаду* «нет, не имеется» употребляется словосочетание *мафйш*, состоящее из *мā* *файх* *шей'ун* «в нем ничего нет». Ряд слов народного языка, как, например, *маалейш* «ничего», *балāш* «напрасно, бесплатно», *лисса* «еще не, пока нет», *камāн* «еще», *альман* «для, ради», «для того чтобы», *зей* «подобный», *эззай* «каким образом, как», *шувейа* «немного», *ба'дейн* «потом» и т. д., не имеет эквивалента в письменном языке и без них нельзя обходиться в народно-разговорной речи. Этим словарным фондом народного языка теперь пользуется и прогрессивная художественная литература Египта. Однако народная лексика официально не допущена в литературу в широком смысле слова, особенно в область научную и в школы. Только смельчаки из прогрессивных писателей Египта начинают внедрять народный лексикон в художественную литературу. Своей краткостью и лаконичностью народная речь выгодно отличается от громоздких фраз и архаических слов книжного языка «аль-фосха».

Таковы вкратце некоторые основные черты египетского народно-разговорного языка. Народно-разговорные языки Египта, Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и т. д. нельзя рассматривать как «испорченный» классический арабский язык, как это представляют себе некоторые исследователи в арабских странах. Народно-разговорные языки «аль-аммийя» или «дариджа» являются живыми языками таких стран, как Египет, Сирия и т. д., и могут лечь в основу формирующегося национального языка этих стран. Сложится ли единый национальный язык для всех стран арабского Востока или несколько зональных языков по группам стран с родственными диалектами (группа Сирии, Ливана, группа Египта, Судана, группа стран арабского Магриба и т. д.) — это покажет время и практика. Во всяком случае, египетский разговорный язык, распространяющийся по всему арабскому Востоку (а египетская прогрессивная художественная литература уже начинает переходить на народный язык), окажет огромное влияние на грамматический строй, фонетику и лексический состав складывающегося национального языка в Египте. Во всяком случае лексика египетского народно-разговорного языка войдет в золотой фонд национального языка и сделает его живым и выразительным.

Как мы говорили выше, до сих пор развитие литературно-письменного арабского языка «аль-фосха» и народно-разговорного языка «аль-аммийя» шли параллельно, не оказывая друг на друга большого влияния. Однако

чем больше будет распространяться грамотность среди населения, чем больше толщи народных масс начнут овладевать культурой, тем больше влияние окажет лексика письменно-литературного языка на язык разговорный, тем больше сам письменный язык начнет подвергаться воздействию народно-разговорного языка, начнет вбирать в себя чисто народные обороты и конструкции. Письменно-литературный язык будет очищаться от архаизмов и упростит спряжение и склонение. Роль народного языка в деле формирования национально-языковой нормы будет решающей.

Акад. И. Ю. Крачковский в одной из своих последних работ о послевоенной арабской литературе говорил о наличии двуязычия в современной арабской литературе, о том, что арабы пользуются и письменно-литературным, и разговорным языком. Он отмечал, что «разговорный язык, который служит речью повседневной жизни, более свободен в своей манере и имеет не малые заслуги; народные песни и драматические произведения на разговорном языке поднимаются до высокой степени литературного достоинства». Он писал далее, что «различия между обеими формами языка постепенно будут смягчаться и, может быть, даже совсем исчезнут с уничтожением неграмотности и распространением просвещения, равно как и упрощением самого литературного языка. Взаимосвязь и взаимная помощь могут быть только полезны для обеих форм языка»¹.

Мы уже говорили, где применяется письменно-литературный язык «аль-фосха». Какова же позиция народно-разговорного языка в общественной жизни? Область применения народно-разговорного языка в Египте из года в год расширяется. Уже сейчас заметно влияние языка «аль-аммийа» на язык «аль-фосха». Это сказывается в вольном чтении литературных текстов без конечных огласовок глаголов и падежных окончаний имен. В литературной речи на научные темы начинает чувствоваться влияние лексики, морфологии и фонетики народного языка. В обыденной жизни не только простой народ, но и интеллигенция говорит на живом, разговорном языке. Даже в стенах учебных заведений в процессе преподавания различных дисциплин, кроме самого арабского языка, на семинарских занятиях и обсуждениях учителя и учащиеся говорят на народно-разговорном языке.

В статье «До чего дошел письменно-литературный язык» газета «Аль-Ахрам» от 14 мая 1950 г. приводила примеры того, как учителя неязыковых дисциплин в народных училищах Египта подтрунивают в классе вместе со своими учениками над учителями арабской словесности, тщетно пытающимися привить ученикам младших групп книжно-литературный язык. Даже в цитадели старины — Аль-Азхаре, как утверждает венгерский арабист Абделькерим Германус, научные дискуссии ведутся часто на египетском народно-разговорном языке. Преподаватели Аль-Азхара также нередко читают свои лекции на народном языке².

В новейшей художественной литературе Египта повествовательная часть от лица писателя ведется на литературном языке, зато диалоги между героями из простого народа — на народном языке. За последнее время египетские прогрессивные писатели в художественных произведениях все чаще и чаще прибегают к смешанному языку, в одном и том же предложении применяется и народная, и литературная лексика и обороты. Это характерно для таких писателей прогрессивно-демократического направления,

¹ И. Ю. Крачковский, *Современные настроения арабской литературы в Египте*. Лекция, прочит. на Науч. сессии Ленингр. гос. ордена Ленина университета 9 января 1947 г. (цит. по рукописи готовящегося к изд. в Изд-ве АН СССР трактата И. Ю. Крачковского).

² См. A. Germanus, *Linguistic foundation of the unity of the arabic-speaking peoples*, «The Islamic review», London, 1950, March, стр. 23.

как Абдаррахман аш-Шаркави, Аль Хамиси, Юсеф Идрис, Шукри Айяд, Махмуд Субхи, Фатхи Ганим, Закария аль-Хиджави и др. Роман Абдаррахмана аш-Шаркави «Земля» почти целиком написан на народном языке. Египетский поэт Байрам ат-Туниси создает стихи на народном языке на самые злободневные темы политической и социальной жизни страны. Киносценарии в большинстве своем пишутся на народном языке. Судебные отчеты (допросы обвиняемых, показания обвиняемых, выступления свидетелей, вопросы прокуратуры и адвокатов) ведутся и публикуются на народном языке. Только обвинительное заключение и приговор суда пишутся на официальном языке «аль-фосха». Кинокартины идут на разговорном языке, спектакли ставятся в основном на народно-разговорном языке, так как иначе публика не посещает их. По этому поводу современный египетский новеллист Махмуд Теймур замечает, что «пьесы надо писать на народно-разговорном языке „аль-аммийа“, ибо письменно-литературный язык „аль-фосха“ не привычен народу, режет ухо, страшен для слуха и непонятен народу»¹. Надо иметь в виду, что такую оценку языку «аль-фосха» дает в данном случае не кто-нибудь, а буржуазно-либеральный писатель. В свое время он писал драматургические произведения одновременно на двух языках: на «аль-фосха» и «аль-аммийа». Выступая же против уподобления арабского письменно-литературного языка «аль-фосха» латыни, он, например, утверждал, что арабский язык «аль-фосха» якобы отличается от латыни тем, что является «языком небесной религии», а потому, писал он, «пока религиозные убеждения в сердцах арабских народов останутся прочными, язык „аль-фосха“ будет жить. Коран — лучший образец письменно-литературного языка»². Такое противоречие в высказываниях Махмуда Теймура весьма показательно для состояния борьбы между сторонниками письменно-литературного и народно-разговорного языка в Египте. Можно утверждать, что мы находимся в переходном периоде, на решающем этапе формирования национального языка в Египте. Народно-разговорный язык все больше и больше начинает проникать в общественную жизнь страны и предъявлять свои права на приоритет перед официальным, книжным языком, мало понятным народу.

Если до сих пор не писалось ни одной статьи и не произносилось ни одной официальной речи на политические темы на народно-разговорном языке или по крайней мере не публиковалось, то в настоящее время народный язык «аль-аммийа» начинает завоевывать позиции и в этой области. Перед нами несколько номеров официальной египетской газеты «Аль-Гумхурийя». В номерах от 17 октября и 4 декабря 1953 г. опубликованы стенограммы речей руководителей «Революционного совета» Египта: Салаха Салема о задачах «революционного суда»; речи Гамала Абделя Насыра и Салаха Салема на конференции студентов Каирского университета «о политическом положении в Египте» и «по вопросу о Судане». Эти пространственные речи на сложные политические темы были произнесены и опубликованы на народно-разговорном языке. В номере от 2 апреля 1955 г. была опубликована статья Аль Хадж Сайида на тему «О необходимости хранения профсоюзных средств в банках», а в номере от 4 апреля этого же года статья того же автора «О ложной гордости турок» также на народном языке. Народно-разговорный язык нашел все средства для выражения в этих статьях сложных политических понятий.

Это наступление народно-разговорного языка стало особенно сильным за последние годы в области художественной литературы. Пока еще не

¹ М. Теймур, Искусство письма, Каир, 1948, стр. 63—65 [на араб. яз.].

² Там же, стр. 4—5.

опубликованы богатейшие сокровища фольклора. Когда они будут опубликованы и когда крупные писатели начнут создавать большие произведения целиком на народно-разговорном языке, позиция языка «аль-аммийа» настолько укрепитя, что спор о том, на какой базе должен формироваться единый национальный язык в Египте, разрешится сам собою.

Формирующийся национальный язык должен вобрать в себя все лучшее из лексического запаса письменно-литературного арабского языка и разговорного языка Египта, отбросить отжившее, архаическое из лексики и грамматики в книжно-литературном языке и варваризмы народно-разговорного языка. Национальный литературный язык Египта явится результатом творчества народа и будет формироваться именно под воздействием живого народного языка. В выработке нормы национального языка Египта решающее влияние, повидимому, будет иметь каирский диалект. Этот ведущий диалект является разговорным языком не только одного Каира, столицы Египта, но и всех городов дельты Нила (Александрия, Даманхур, Заказик, Бенха, Мансура, Махалла Кобра, Дамietta, Порт-Саид и т. д.), где проживает большинство населения страны. Как мы отмечали выше, в разговорной речи интеллигенции не соблюдаются падежные и глагольные окончания литературного языка, используются частичные лексика и обороты разговорного языка. Все эти факторы окажут определенное влияние на синтаксис, морфологию и фонетику формирующегося национального языка в Египте в смысле приближения его к современному разговорному языку. В настоящее время в Египте все чаще и чаще ставится вопрос и о пересмотре системы письма — алфавита и правописания. Пересмотр системы арабского письма, переход на фонетический алфавит — несомненно также окажет определенное влияние на установление норм египетского национального языка. Во всяком случае, в выработке нормы национального языка приоритет будет принадлежать нормам народного разговорного языка.

Поступившие недавно материалы первого съезда писателей арабских стран также подтверждают ряд положений наших высказываний о путях развития арабского языка.

В сентябре 1954 г. в Дамаске состоялся съезд писателей стран арабского Востока, созданный по инициативе прогрессивных писателей Сирии. В работе съезда принимали участие прогрессивные писатели Сирии, Ливана, Египта, Ирака и Трансjordании. Весьма характерен тот факт, что съезд в своем решении впервые особо отметил значение разговорных языков в арабских странах в развитии художественной литературы. В решении съезда, опубликованном в журнале «Ас-Сакафа аль-Ватанийя», говорится следующее: «Проблема арабского языка тесно связана со всей проблемой социальных отношений. Решение вопроса о языке должно быть тесно увязано с решением всех социальных проблем. Но это не значит, что не должны быть сделаны определенные попытки в области реформы языка в соответствии с насущными нуждами и задачами дня. Литература отражает реальную жизнь общества... и поэтому стиль писателей новой литературы должен максимально приближаться к реальной действительности, в которой мы живем.

Письменный литературный язык «аль-фосха» при всех своих недостатках продолжает обслуживать немалую область нашей общественной жизни, и мы не можем просто отказаться от него. Но лучше будет избегать излишнего педантизма в этом языке и писать максимально проще, легче и понятнее массам.

Народный язык в свою очередь также является реальностью, которой мы не можем пренебречь. На нем говорит народ. Для создания подлинно

художественных произведений, особенно в области драматургии, мы не можем обходиться без народного языка...»¹.

Это решение съезда арабских писателей является первым актом в истории развития арабского языка, где наряду с признанием невозможности пока отказаться от языка «аль-фосха» отмечается, что разговорные языки арабских стран «аль-аммийа» должны служить живым источником в ходе формирования национального языка в арабских странах.

В том же номере журнала, посвященном всеарабскому съезду писателей в Дамаске, напечатана статья египетского прогрессивного писателя Ахмеда Садыка «Правдивая картина из жизни Египта». В ней автор разбирает язык и стиль современных прогрессивных писателей Египта и, в частности, язык и стиль писателей Абдаррахмана аш-Шаркави, автора большого романа «Земля», и Юсефа Идриса, автора новелл «Архас Лайали». Говоря о языке произведений современной прогрессивной художественной литературы Египта, А. Садык отмечает, что «проблема различия между языком, на котором пишут писатели, и языком, на котором говорит народ, возникла давно». Египетский театр «давно отдает предпочтение народно-разговорному языку». Тауфик аль-Хаким, пишущий свои художественные произведения на литературном языке, «постоянно прибегает к народному языку, как только переходит к изложению диалогов между своими героями». Ему вторят многие другие писатели современного Египта и в том числе Абдаррахман аш-Шаркави. Недавно выпустил свой сборник рассказов «Архас Лайали» египетский писатель Юсеф Идрис. Он, по мнению А. Садыка, внес «печто новое в арабский язык, что можно было бы назвать, скажем, народностью выражения». Эту новую струю в языке, которую смело вводит Ю. Идрис, отмечает А. Садык, следует назвать именно «народностью стиля и выражения», ибо народ имеет свой особый стиль в языке, несколько отличный от общих правил арабского языка, но зато несравненно более гибкий, могучий и выразительный. Ю. Идрис «не пишет на чистом народном языке, он пишет на литературном. Но он вводит в арабский язык именно народный стиль, он приближает литературный язык к народному, используя обороты речи, лексику, конструкции фраз и выражения, близкие к народному языку»².

Приведенное выше высказывание и решения первого арабского съезда писателей в Дамаске говорят о том, что различие между народно-разговорным и письменно-литературным языком волнует прогрессивные круги интеллигенции в арабских странах. Решения съезда говорят о том, что этим вопросом занимаются арабские писатели, что уже намечаются пути и тенденции решения этого вопроса, что главенствующую роль в формировании национального арабского языка будут играть народно-разговорные языки арабских стран, которые через художественную литературу окажут освежающее влияние на письменно-литературный язык «аль-фосха» и лягут в основу национального языка.

¹ Журн. «Ас-Сакафа аль-Ватанийя», Бейрут, 15 октября 1934 г., стр. 44—45.

² Там же, стр. 85.